

Кристофер Брук

САКСОНСКИЕ
И НОРМАНДСКИЕ
КОРОЛИ

450-1154 гг.

Кристофер Брук

**Саксонские и нормандские
короли. 450-1154**

«Центрполиграф»

УДК 94(420)
ББК 63.3(4Вел)4

Брук К.

Саксонские и нормандские короли. 450-1154 / К. Брук —
«Центрполиграф»,

ISBN 978-5-227-02590-6

Кристофер Брук, историк, профессор Лондонского университета, посвятил свою книгу истории королевской власти в Англии. Наблюдая за сменой королей на престоле, автор сообщает не только даты их правления и сражений, он дает представление о том, какими они были: их вкусы, интересы и достижения. Почему король Этельстан был таким знатоком «реликвий», был ли Вильгельм II атеистом, участвовал ли Генрих I в убийстве Вильгельма II? Отвечая на эти вопросы, Брук изучает природу монархической власти, стараясь освободиться от современных предрассудков и мнений тех историков, которые видели в королевской власти лишь источник тирании. Книга снабжена иллюстрациями, генеалогическими таблицами и картами.

УДК 94(420)
ББК 63.3(4Вел)4

ISBN 978-5-227-02590-6

© Брук К.
© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Кристофер Брук Саксонские и нормандские короли. 450–1154

Christopher Brook

THE SAXON AND NORMAN KINGS

450-1154

Москва

ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Перевод, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2011

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2011

Предисловие

Невозможно написать биографии саксонских и нормандских королей в обычном смысле этого слова, и нет портретов, которые дали бы нам ясное представление о том, как они выглядели. Поэтому эта книга, безусловно, отличается по своей цели от книг, написанных о королях нашего времени. В главе 1 я постарался четко обрисовать, какую попытку я собираюсь предпринять. К этому следует добавить, что, хотя среди иллюстраций есть ряд изображений королей, ни одно из них не является портретом в современном понимании этого слова. Но от этого, я надеюсь, они не становятся менее интересными. Они неизбежно нуждаются в большем количестве разъяснений, чем собрание портретов, и к ним предлагаются довольно полные комментарии, помещенные под сопроводительными подписями к ним в списке иллюстраций.

В тексте изложена часть того, что я узнал за многие годы от учеников, друзей и учителей. Особенно следует отметить некоторые из моих многочисленных обязательств. То, чем я обязан господину Х.Э. Уокеру, не так легко суммировать: все, что я пишу о происхождении Уэссекса и гобелена из Байо, в большой степени основано на его предположениях и интуиции. Моя жена и доктор Х. Мейр-Хартинг прочитали всю книгу в рукописи, а последний прочитал ее также и в гранках. Оба они внесли предложения по ее улучшению и убрали много ошибок и погрешностей, но их не стоит упрекать за те, что остались. Мне также помогали советами доктор П. Чэплис, господин Дж. В.Г. Имс, профессор М. Глакман, господин П. Хантер Блэр, доктор Э. Питерс, господин А. Томпсон и издатели.

Я очень благодарен нижеперечисленным господам за разрешение процитировать отдельные отрывки: госпоже Марджори Чибнелл и «Т. Нельсон и сыновья лтд.» за отрывки из *Historia Pontificalis* Иоанна Солсберийского; профессору Дороти Уайтлок и господам Эйр и Споттисвуд лтд. за отрывки из «Английских исторических документов», том 1; профессору Ф. Барлоу и господам Нельсон за отрывки из «Жизнь короля Эдуарда Исповедника»; доктору Маргарет Мюррей и господам Фейбер и Фейбер за отрывки из «Бога ведьм»; профессору Г.Н. Гармонсвею и «Дж. М. Дент и сыновья лтд.» за отрывки из «Англосаксонской хроники»; Томасу Саймонсу и господам Нельсон за отрывок из *Regularis Concordia*; господину Д. Райту и «Пенгвинбукс, лтд.» за отрывки из «Беовульфа». Особую благодарность следует выразить также «Фейдон-пресс, лтд.» за разрешение напечатать фотографии из «Гобелена из Байо» под редакцией сэра Фрэнка Стентона; признательность за другие иллюстрации содержится в «Списке иллюстраций».

Книга Х.Р. Лойна «Англосаксонская Англия и нормандское завоевание», содержащая ряд очерков о правлении английских королей, и книга Дж. М. Уоллес-Хэдрилла «Длинноволосые короли и другие исследования по истории франков» появились слишком поздно, чтобы я мог руководствоваться ими при написании этой книги, хотя я и извлек пользу из того, что имел возможность услышать и обсудить с господином Уоллес-Хэдриллом часть новых очерков из его книги.

Глава 1

Методика исследования

Чем больше мы удаляемся от современного мира и углубляемся в Средние века, тем меньше у историка материала, с которым он мог бы работать. Если человек хочет подробно изучить человеческое общество в действии или узнать, как выбирать важные детали из массы информации, ему лучше заняться исследованием самой новейшей истории. Если он желает понять и получить удовольствие от детективного элемента истории, посмотреть, как можно выбирать информацию из немногих разрозненных путеводных нитей, или он хочет увидеть человеческий характер в действии в среде, отличающейся от его собственной, расшевелить свое воображение изучением своих собственных далеких предков – далеких не только во времени, но и по своим мыслям и интересам, – тогда ему остается лишь порекомендовать заняться исследованием Средних веков. И он будет щедро вознагражден за свои усилия. Эта книга не могла надеяться на то, что станет сборником биографий, подобно другим биографиям в подобных сериях. Королей было слишком много, а информация у нас слишком скудная. Поэтому я вполне сознательно сделал ее сборником вопросов: как люди становились королями? Что они делали? Как вообще появились короли? В начальных главах, занимаясь поиском ответов на эти вопросы, я надеюсь раскрыть природу монархической формы правления в те далекие времена, освободить ее от чуждых политических представлений, которые крепко держатся возле нее иногда из-за современных предрассудков, а иногда из-за давнего влияния историков XVII или XIX вв., которые видели в королевской власти источник тирании XVII века, а в королевских советах – источник парламентской свободы.

Мы увидим, что в давние времена королевская власть была окружена представлениями, совершенно отличавшимися от тех, к которым мы привыкли. И по мере исследования истории первых английских королей мы увидим, как эти представления реализуются на практике. Редко бывает, что первые короли – это нечто большее, чем просто имена. Но проходят века, и мы находим таких, которые оставили свой след в истории Англии. Это Этельберт, Эдвин, Оффа, а начиная со времен Альфреда (871–899) мы узнаем обо всех английских королях больше, чем даты их правления и сражений. Каким бы путем источники ни открывались нам, я старался изучить этих королей и показать, что за люди они были: их вкусы, интересы и достижения. Лишь озаботясь какой-то конкретной проблемой, мы можем надеяться узнать их. Почему король Этельстан был таким большим знатоком «реликвий»? Был ли Вильгельм II атеистом? Был ли Генрих I соучастником в убийстве Вильгельма II? Главная трудность состоит в том, что мы редко имеем представление о физической внешности этих людей. Не сохранилось портретов – в современном их понимании – ни одного из них. У нас есть нечто вроде описания Эдуарда Исповедника и трех первых нормандских королей, есть изображения многих королей, но все они стилизованы и условны. Тем не менее внешние атрибуты королевской власти: короны, доспехи, платье, дворцы, замки и другие объекты, более или менее тесно связанные с ними, кольца и драгоценности, сделанные для них, книги, написанные для них, монеты, отчеканенные от их имени, – все это может дать нам некоторое ощущение физического контакта с ними. А на гобелене из Байо мы видим историю нормандского завоевания, рассказанную английским мастером для одного из величайших нормандских владык Одо, епископа Байо, единоутробного брата Завоевателя. На нем изображены Эдуард Исповедник, Гарольд и Вильгельм Завоеватель. Эти изображения воспроизведены на вклейке иллюстрации. Они являются неотъем-

лемой частью нашей цели, которая состоит в том, чтобы узнать все возможное о саксонских и нормандских королях Англии¹.

Иногда полагают, что настоящее изучение исторических проблем нельзя проводить без множества подстрочных примечаний фактологического характера. В этом, конечно, немало правды, и одной из основных трудностей при написании этой книги было представить подлинные аргументы, не делая их слишком специальными. Отчасти я избежал этого, поместив такой материал в приложение, которого, я надеюсь, достаточно, чтобы показать серьезным исследователям материалы, на которых основывается текст. Но я также сознаю, что, если мы уберем элемент поиска, расследования проблем, «раскапывания червоточин», мы лишим историю значительной части того, что вызывает к ней интерес. Изучение средневековой истории, особенно раннего Средневековья, в значительной степени детективный труд, и нет причин не получать от него большого удовольствия в таком качестве.

Тема моего исследования – королевская власть в Англии, какой ее знали англосаксы, германский народ, который в V–VI вв. завоевал и заселил территорию, которую мы называем Англией, и образовал множество крошечных королевств, из которых выросла королевская власть Англии. Этот период длится приблизительно от 450 до 1154 г. В 400 г. большая часть острова представляла собой часть Римской империи. В 406 г. вандалы и бургунды переправились через Рейн и вторглись в Галлию. В 410 г. Аларих и вестготы разграбили сам Рим. На востоке Римская империя просуществовала до 1453 г.; на западе она погибла в V в. – погибла на самом деле, а память о ней продолжала жить, оказывая мощное влияние на все ее бывшие провинции. Тем временем военные неудачи заставили римлян покинуть Британию и сделать ее добычей вторгшихся варваров из Ирландии (скоттов), Шотландии (пиктов) и Германии. Римские провинции распались на королевства, точное число и размеры которых неизвестны. По преданию, самым большим из них правил король по имени Вортигерн в середине V в. Нам известно, что на протяжении нескольких поколений до Вортигерна саксы из Северной Германии приплывали в Англию как пираты и наемники. Но по преданию, Вортигерн собрал особенно сильное войско из наемников-саксов, которыми командовали военачальники Хенгист и Хорса. Саксы вскоре изменили отношение к своему господину и образовали свое собственное королевство, которым традиционно считается королевство Кент. С тех пор поселенцы из Северной Германии стали прибывать на многочисленных кораблях. Они поднимались вверх по течению Темзы, рекам Уош и Хамбер, основывали поселения, образовывали небольшие королевства и союзы и завоевывали местных бриттов. Бритты не были совершенно беззащитны. В начале VI в. у них объявился сильный вождь, которого предание называет Артуром. Он изгнал германских захватчиков из большей части юга центральных графств Англии. Но этот успех был недолгим. К концу VI в. германцы вернули себе все, что потеряли, и завоевали по крайней мере две трети той территории, которую мы называем Англией. И их верховная власть была быстро признана остальными.

Захватчиков обычно называют англами, саксами и ютами. Саксы прибыли из Северной Германии («Старой Саксонии», как мы называли бы Северо-Западную Германию), англы – из тех мест, где стыкуются Германия и Дания, а юты (если быть краткими) – вероятнее всего, из Фрисландии или из Рейнской области. В Англии они встретились и перемешались. Говоря приблизительно, англы имели перевес на севере и в центральной части страны, саксы – на юге и западе, а юты – в Кенте и Гемпшире. К 600 г. страна была плотно заселена англосаксами и стала оформляться группа ведущих королевств. Главными из них были: Нортумбрия, самое могущественное королевство в VII в., Мерсия, которое в VII в. бросило вызов Нортумбрии и добилось превосходства, в свою очередь, в VIII в., и Уэссекс, который, возникнув позже,

¹ Я намеренно не предпринимал попытки включить сюда королей Уэльса и Шотландии. Их история не менее интересна, но она совершенно другая, и ее нельзя рассматривать как дополнение к истории Англии.

добился главенства в начале IX в. Также приблизительно в 600 г. произошло главное событие англосаксонской истории – приезд из Рима св. Августина с целью начать обращение англичан в христианство. В течение десятилетий, последовавших за 597 г., миссионеры из Рима, а также из христианской Ирландии, Уэльса и Шотландии трудились среди англосаксонских язычников в поте лица. В конце VII в. сформировалась английская церковь благодаря усилиям грека из Сирии, посланного папой в Англию в качестве архиепископа Кентерберийского, по имени Феодор Тарсийский. К этому времени большая часть английских королевств уже приняла христианство, по крайней мере номинально. И в VII в. во времена Беды Достопочтенного английская церковь была одним из центров западной цивилизации.

В начале IX в. возвысился Уэссекс. К концу IX в. он превратился в единственное английское королевство; в X и XI вв. он стал королевством Англия. Это было результатом совместной работы датских захватчиков и династии короля Альфреда. Датчане совершали набеги, а затем поселились в Англии в X в. К 871 г. они завоевали большую ее часть, за исключением Уэссекса. Другие королевские династии угасли. С 871 по 899 г. Англией правил король Альфред, неутомимый воин и человек, продемонстрировавший исключительную гибкость ума как в искусстве поддерживать мир, так и вести войну. Он просто спас Уэссекс и заложил основы, на которых его преемники смогли построить объединенное английское королевство. Но это едва ли смогло бы случиться, если бы его наследники не были исключительно талантливыми правителями: это его сын Эдуард Старший (899–925), его внук Этельстан (925–939) и его правнук Эдгар (959–975). Датчане были язычниками, и обращение Англии в христианство должно было в какой-то степени начаться заново. Это было быстро завершено на волне возрождения церкви в X в. в ходе реформ, особенно монастырей. Однако возрождение власти английских королей было грубо остановлено в конце X в., когда возобновились нападения датчан. В 1013 г. датчанин Свен завершил процесс лишения прав английского короля Этельреда Непослушного, но в 1014 г. Свен умер, а его младший сын Кнуд упрочил свое положение на престоле не раньше 1016 г. Кнуд мог располагать верностью как своих английских, так и датских подданных в равной мере и, таким образом, в некотором смысле был первым королем объединенного королевства Англия.

Кнуд умер молодым, и вскоре после его смерти королевство перешло в руки коренной английской династии в лице Эдуарда Исповедника (1042–1066). Смерть Эдуарда в 1066 г. стала сигналом к самому известному в истории Англии перелому. Его преемником стал его шурин Гарольд II. Но девять месяцев спустя Гарольд был сражен то ли нормандской стрелой, то ли топором в битве при Гастингсе, и вместо него стали править нормандцы. Этот период завершается правлением Вильгельма Завоевателя (1066–1087), его двух сыновей Вильгельма II (1087–1100) и Генриха I (1100–1135) и его внука, племянника Генриха, Стефана (1135–1154).

Из всех этих королей Альфред единственный, о ком нам известно больше всего. Имеется ряд работ, написанных или инспирированных им, – его переводы и его законы. И у нас есть «Жизнь короля Альфреда» Ассера. Это не биографический шедевр, и его подлинность подвергается серьезным сомнениям. Спор продолжается, но сейчас мы не будем обращать на него внимания. «Жизнь» Ассера – это бутерброд, составленный из версии «Англосаксонской хроники» с описанием различных сторон жизни Альфреда и втиснутой в него его деятельности. В этой книге ее вполне можно использовать в качестве свидетельства того, что сведущий, но не слишком умный представитель королевского двора Альфреда посчитал бы соответствующим действительности. Этой точки зрения и по сей день придерживается большинство ученых, хотя от нее можно и отступить.

Альфред единственный король, собственные письменные труды которого дошли до нас с тех времен; он один из весьма немногих королей, имевших образование. От первых королей до нас дошли виньетки и другая ценная информация, сохранившаяся на страницах великопной «Церковной истории народа англов», написанной Бедой Достопочтенным (731), в

самом замечательном историческом труде, который когда-либо выходил из-под пера ученого в Европе того времени. О последующих королях у нас есть упоминания в различных летописях и других повествовательных источниках. У нас есть биография Эдуарда Исповедника, написанная его современником, а также панегирики и различные летописи, в которых говорится о нормандских королях. О большинстве саксонских королей до Альфреда и о многих после него не сохранилось рассказов ни в каких повествовательных источниках, кроме кратких записей в «Англосаксонской хронике». О королях маленьких королевств нам обычно известно мало помимо их имен; о королях Линдси – ничего, кроме имен; короли средних англов и средних саксов (если у них вообще были короли) безымянны.

Первых королей, за исключением тех счастливых, которым нашлось место у Беда, следует изучать, используя один из четырех путей: «Англосаксонскую хронику», генеалогию, народную поэзию, археологию. «Хроника», насколько нам известно, была написана в годы правления Альфреда. Она явилась частью того возрождения, центром которого был король и результатом которого стали произведения на родном языке, а не на языке литературы – латыни, потому что король хотел, чтобы их понимал более широкий круг людей. Был ли сам Альфред вдохновителем написания «Хроники» – это вопрос спорный; но трудно в ней не увидеть отражения его интересов или сомневаться в том, что он внимательно прочитал ее копию. Одна из ее копий, сделанная при его жизни, до сих пор хранится в библиотеке колледжа Тела Христова в Кембридже. Благодаря ей и более поздним копиям, которые получили распространение и продолжение в различных монастырях, до нас дошли варианты этой хроники вплоть до Нормандского завоевания и даже немного после него. Одна ее версия, которая была продолжена сначала в Кентерберии, затем в Питерборо, заканчивается 1154 г. В конце она дает нам знаменитое описание правления короля Стефана.

Источники нормандского периода гораздо богаче источников саксонского периода, особенно раннесаксонского. И дело тут не в шансе на сохранение, хотя, конечно, бесчисленное количество средневековых рукописей исчезло. Главная причина в том, что в VII или IX вв. просто писали гораздо меньше, чем в XII. Даже такие эпохи сравнительно образованных людей, как времена Беда Достопочтенного или Дунстана (ум. 988), дали нам гораздо меньше, чем эпоха «возрождения XII в.». От этого немногого до нас дошла удивительная часть. В Бодлианской библиотеке в Оксфорде содержится копия одного из переводов короля Альфреда, которую он отправил в кафедральный собор Вустера. В библиотеке колледжа Тела Христова есть рукопись «Хроники» IX в. и книга, которую король Этельстан лично подарил общине св. Кутберта, которая тогда находилась на Честер-стрит (позднее община собора Дарема) (рис. 6а). В коллекции Коттона в Британском музее имеются два из пяти уцелевших экземпляров «Церковной истории» Беда, которые были написаны в том же веке, когда жил Беда, до 800 г. Не случайно мы находим эти книги в коллекции Коттона или в колледже Тела Христова. После закрытия монастырей большинство средневековых рукописей должно было быть уничтожено. Изобретение книгопечатания сделало многие из них бесполезными. Но в XVI в. были такие люди, как Мэтью Паркер, архиепископ Кентерберийский в годы правления Елизаветы I, которые испытывали жадный интерес к древней истории английской церкви – естественный интерес на волне Реформации. Паркер и его помощники были фанатичными собирателями старинных рукописей, особенно летописей. И коллекция Паркера осталась в колледже Тела Христова в Кембридже, который он когда-то возглавлял. Позднее в лице сэра Роберта Коттона появился такой же пылкий коллекционер, который разделял интерес Паркера к церкви, но также занимался разработкой теорий о происхождении парламента. В начале XVII в. было широко распространено представление о том, что английские парламентские свободы взяты из англосакского витана (национальный совет, представлявший интересы знати и духовенства при короле. – *Пер.*), и это возбудило у Коттона особый интерес к саксонским хартиям: длинные списки подписавшихся под ними людей или свидетелей являются для нас почти единствен-

ными источниками информации о том, кто входил в витан. Вероятно, правильно будет сказать, что большая часть оригиналов хартий «дозавоевательного» периода обязана своей сохранностью сэру Роберту Коттону. Практические интересы (если не сказать «причуды») Паркера и Коттона в соединении с настоящей преданностью прошлому спасли много ценных документов как раз вовремя. За это мы должны быть им благодарны, но если говорить о более раннем саксонском периоде, то там почти нечего было спасать.

Паркеровская копия «Хроники», «Жизни» Ассера (рукопись которой была сохранена Коттоном, но сгорела в страшном пожаре 1731 г.; так что ее знают по копиям XVI и XVII вв.), подарок Этельстана святому Кутберту (см. вклейку) и другие рукописи, включая манускрипт начала IX в. из коллекции Коттона, содержат родословные и списки первых английских королей. По ним – если к ним относиться с определенной долей скептицизма и проверять по мере возможности другими свидетельствами – мы можем воссоздать первые династии. Возможно, нас самих не вдохновила бы перспектива быть представленными будущим поколениям чем-то что сродни телефонному справочнику. Но умелое исследование дало возможность экспертам получить много интересной информации из этих списков и родословных. А дошедшая до нас древняя поэзия, особенно великолепная поэма «Беовульф» (еще одна находка сэра Роберта Коттона), дает нам возможность немного приодеть голый скелет.

«Беовульф» также помогает нам представить себе облачения королей и дома, в которых они жили, – в этом отношении археология достигла за последнее время очень многого. Благодаря лопатам археологов были извлечены на свет божий много реликтов этого времени из могил, на местах поселений, из саксонских и нормандских церквей и городов, нормандских замков. Но археолог может откопать лишь то, что сохранилось, то есть, вообще говоря, камень и керамику, металл, не полностью изъеденный ржавчиной, и кости; но не дерево или ткань. Поэтому есть доля иронии в том, что самыми сенсационными находками, связанными с саксами, были деревянный корабль в Саттон-Ху и обшитые деревом залы дворца в Иверинге. В Саттон-Ху древесина сгнила, но железные болты по-прежнему видны, а следы шпангоутов можно найти в почве. Во всяком случае, открытие было таким захватывающим именно из-за содержимого корабля. В Иверинге древесина совершенно исчезла. Но обшитые деревом залы построены вокруг колонн, вставленных в предназначенные для них отверстия или выемки. Когда древесина гниет, эти отверстия заполняются субстанцией другого качества, отличающейся от почвы, что их окружает. Это влияет на плодородие этого места; так что на более богатой почве зерновые вырастают более высокими, а если она бедная, то они ниже, чем на окружающем участке. Обычно это чрезвычайно трудно заметить. Но если лететь на самолете низко над полем на утренней заре или на закате, когда солнце стоит невысоко, можно увидеть тень, которую отбрасывают более высокие зерновые на более низкие. А аэрофотосъемка, произведенная в таких условиях, покажет структуру обшитого деревом зала, спустя много веков после того, как дерево совершенно исчезло. Так был открыт Иверинг, и с тех пор ведутся раскопки дворца королей Нортумбрии.

С течением времени источники становятся более разнообразными: благодаря существованию обычных средств денежного обращения археолог находит большое количество монет; растущая грамотность предоставляет историку массу хартий, законов и (к XI–XII вв.) летописи и биографии, которые он может прочитать. Появляются больше каменных построек, а особенно громадные постройки, возведенные в таких количествах первыми нормандцами, дают нам более основательное, зримое представление о памятниках прошлого. А случайно сохранившаяся вышивка изображает на гобелене из Байо и летопись, и диафильм сразу. Мы можем изучать события, оружие и одежду, а также многое другое одновременно.

Я не планировал составлять каталог, и эта книга далеко не полная. По мере нашего продвижения вперед я постараюсь время от времени приоткрывать завесу над тем, как историки используют различные материалы для воссоздания прошлого, объяснять что-то более

подробно и представлять другие материалы, не описанные здесь. В этот период часто представляет большой интерес, увлекает и удовлетворяет интеллектуально попытка подумать, *откуда* нам что-то известно, нежели *что* нам известно.

Глава 2

Как становились королями

В книге профессора Плама «Первые четыре Георга» нам представляют четырех королей, правление которых охватывает чуть более столетия. Задача этой книги – охватить семьсот лет и, наверное, двести королей. Что еще хуже, большинство из них ничем не прославились, и мы знаем только их имена; несколько из них вообще безымянные. И все же исследование этих личностей далекого прошлого обладает особой притягательностью: их неизвестность бросает нам вызов и заставляет искать любую путеводную нить и следовать за ней, куда бы она нас ни привела. И если мы сделаем это, мы узнаем много удивительного о первых английских королях. Окажется, что мы исследуем корни королевской власти в Англии, самого старого и типичного для Великобритании института правления. И это тоже полезно. Это поможет нам понять кое-что об английской монархии, некоторые причины того, почему ее непрерывность так мало нарушалась. Но это случится только в том случае, если мы с самого начала будем четко понимать, что в большинстве частных королевская власть в саксонские и нормандские времена была совершенно не похожа на конституционную монархию Елизаветы II.

Исторические ярлыки легко вводят нас в заблуждение, а самые обманчивые из них те, что окружают представления о правлении и королевской власти. Никому не приходит в голову, что средневековый король, будь то в Англии, Франции или Германии, был конституционным монархом в современном понимании. Но часто можно услышать или прочитать споры о том, была ли их власть ограниченной или абсолютной, выборной или передаваемой по наследству. Без сомнения, эти вопросы мы будем держать в голове по мере изучения этих королей и способа их правления, но в первую очередь нас должны интересовать менее абстрактные понятия. Если мы будем обращать внимание на то, как эти люди действовали и как они описывали свои действия, мы гораздо лучше поймем их притязания; мы лучше поймем их образ мыслей не как отражение последовательных принципов политической мысли, а как поле боя противоборствующих притязаний и стремлений без явной связи между собой. Человеческая природа, как говорят нам психологи, подвержена изменениям. Но дворянин, шумно приветствующий саксонского короля, действовал, подталкиваемый смешанными побуждениями, такими же сильными, беспорядочными и захватывающими, что и современный избиратель. Это сказано не для того, чтобы преуменьшить интерес к политической теории или ее влиянию на дела людей. Как мы увидим, интеллектуальные влияния, совершенно далекие от местной традиции саксов, сыграли решающую роль в формировании английской монархии. Но значение этого станет очевидным лишь тогда, когда мы тщательно изучим некоторые особенности власти первых королей. И первый вопрос состоит в том, как люди становились королями.

Эта проблема стала предметом многих необычных представлений. В 1867 г. в первом томе своей огромной «Истории Нормандского завоевания Англии» Эдвард Огастес Фриман предложил одно из самых абсурдных. Вот что он написал о витенагемоте, совете англосаксонских королей: «В каком-то смысле он был более демократичным, чем что-либо, о чем осмелился бы мечтать самый продвинутый либерал; но в каком-то смысле – более авторитарным, чем что-либо, что осмелился бы защищать самый нестигаемый консерватор. А на практике он, вероятно, должным образом представлял чаяния народа. А если так, то ни один народ никогда не пользовался более полной политической свободой, чем англичане в эти давние времена. Ведь полномочия древнего витенагемота сверх всякой меры превышали полномочия, которыми наш писанный закон облакает современный парламент. В некоторых отношениях они превышали полномочия, которыми наша традиционная конституция облакает палату общин. Король не мог абсолютно ничего сделать без согласия своих советников. Прежде всего, именно

от них он получал свою политическую жизнь, и именно от них он зависел в том, чтобы она продолжалась. Совет избирал короля, и он же мог низложить его. Возможность свергнуть короля – это возможность, которой по самой ее природе можно пользоваться редко, и поэтому не найдется много королей, низложенных по постановлению парламента хоть до, хоть после Нормандского завоевания...

Если витан мог свергнуть короля, то нет никаких сомнений в том, что витан его и выбирал. Удивительно, как люди этого не видят... Королевская власть в древней Англии была выборной. Она была выборной точно так же, как была выборной власть во всех германских королевствах. Люди, в глазах которых рождение имело высокую ценность, желали, чтобы король был потомком прославленных предков королевских кровей. Во времена язычества считалось, что король должен быть потомком богов. Такие настроения повсеместно указывали на какую-нибудь династию как королевскую, члены которой имеют особое право на голоса избирателей. В каждом королевстве имела королевская семья, из членов лишь которой при обычных обстоятельствах избирались короли. Но здесь витан был волен выбирать».

Фриман имел намерение доказать несостоятельность старой теории тори о божественном праве королей на престол. Он обращает внимание на то, что в разных странах существует бесконечное количество различных правил порядка наследования, и неразумно предполагать, что одно из них более естественное или неизменное, нежели другое. Странно, что он допускает, что английский закон всегда был ясным и последовательным, даже если он меняется в определенные периоды. Он, как и мы сейчас, жил при монархии, правила престолонаследия в которой были точно определены законом. Они, возможно, представляют собой самую точную и четкую схему, окружающую наших современных монархов. Когда умирает король или королева, мы знаем, кто будет их преемником – или, скорее, кто в тот же миг стал им. Вся королевская семья организована согласно порядку наследования в соответствии с четким принципом, установленным законом; в данном случае – письменным законодательным актом.

В раннем Средневековье законы в Англии не имели письменной формы. В этом утверждении есть исключения, как мы увидим, но они не затрагивают нашу нынешнюю проблему. Это значит, что восхождение на престол регулировалось обычаями и традициями. Обычай может быть очень определенным и живучим, но у первобытных народов он имеет свойство казаться определенным и понятным только тем людям, которые живут по нему и принимают его, а для чужака он кажется неясным, неопределенным, даже противоречивым. Особая трудность связана с изучением древних монархий: со временем обычаи менялись, а наши сведения часто настолько скудны, что мы должны пытаться вытянуть путеводную нить то там, то сям, чтобы создать связную картину, охватывающую большой промежуток времени. Еще одной трудностью является то, что в разные времена существовало большое разнообразие точек зрения, больше, чем обычно было позволено. А так как порядок престолонаследия всегда был жизненно важным вопросом, он часто становился предметом обсуждения и споров.

На самом деле никаких четких правил не было. Но порядок престолонаследия в англосаксонских и английском королевствах был окружен рядом условностей, обычаев и допущений, и с учетом этих условностей каждый раз решался вопрос о престолонаследии – иногда мирно, иногда с применением силы. Часто «сильный вооруженный человек» захватывал трон; в более поздние века он, по крайней мере, считал себя обязанным как-то оправдать свой поступок. И по тому, как он оправдывал его, мы можем сказать, каким правилам он делал вид, что следует. Если это было возможно, он демонстрировал свои родственные связи с предшественником, то есть что он имел наследственное право. Он доказывал, что народ принял его власть должным образом – то есть он был «избран», что бы это ни значило, и утверждал, что его предшественник объявил его своим преемником – он был назван правящим королем. Наше изучение того, как становились королями, должно складываться из этих трех составляющих: наследование,

избрание и назначение. Так или иначе, каждая из них в большинстве случаев была задействована в процессе появления любого короля в средневековой Западной Европе.

Фриман утверждал, будто короля избирали, и монаршая власть была по своей сути выборной; наследные права уважались, а избрание было законом. Это серьезное и необычное допущение, а мы должны быть очень осторожны, делая их.

Даже самое очевидное общее правило относительно королевской власти, состоящее в том, что правит лишь один человек, имело множество исключений. В давние времена короли не обязательно правили в одиночку: на самом деле вполне возможно, что они обычно этого не делали. Все члены королевской семьи мужского пола могли править вместе, притом что один король мог иметь преимущество – похоже, что так и было в большинстве королевств. Со временем постепенно развилась «монархия» в буквальном смысле этого слова – власть одного человека. В более поздние времена англосаксонские монархии оставались наследными не в том смысле, что королевская власть передавалась согласно строгому правилу первородства от старшего сына к старшему сыну, а в том, что в огромном большинстве случаев преемником короля становился его старший сын или ближайший родственник по мужской линии. Есть случаи, когда наследником становился брат короля, хотя у последнего были дети. Но обычно в таких случаях дети были очень малы. Есть пара случаев, когда оспаривали, что «порфирородный» сын, родившийся, когда его отец был королем, имеет преимущественное право перед тем его сыном, который был рожден до того, как его отец взойшел на трон. Ни один из нормандских королей не был наследником по праву первородства. В 1066 г. Эдгар Этелинг был более близким родственником Эдуарду Исповеднику, чем Вильгельм Нормандский, гораздо более близким, чем Гарольд. В 1087 и 1100 гг. наследниками Завоевателя стали младшие сыновья Вильгельм и Генрих, хотя был жив их старший брат Роберт. В 1135 г. на престол взойшел племянник Генриха I Стефан, хотя у Генриха оставалась законная дочь, а у самого Стефана был старший брат.

Случаи восхождения на трон королей в 1066 и 1135 гг. являются одними из самых необычных и интересных в истории Англии. Они имели место близко к концу изучаемого нами периода и поэтому относительно хорошо задокументированы. Они обнажают почти все проблемы и силы, действовавшие в Англии при возведении короля на престол. Они послужат нам прекрасными примерами различных условностей и допущений.

Эдуард Исповедник (1042–1066) был бездетным. У него был племянник Эдуард, который жил в изгнании в Венгрии, двоюродный брат Вильгельм, который был герцогом в Нормандии; при этом самым могущественным человеком в Англии после короля был Гарольд, эрл Уэссекский, который доводился ему шурином. Вдобавок его предшественник Хардекнуд, который также был королем Дании, имел договоренность с Магнусом, королем Норвегии, о том, что, если один из них умрет, не оставив наследника, второй должен унаследовать его королевство. На основании этого Магнус вторгся в Данию и заявил свои права на Англию в 1042–1043 гг. И его притязания были унаследованы (что довольно странно) его дядей Харальдом Хардероде.

Ближайшим родственником Эдуарда был его племянник. Но Эдуард-изгнанник умер в 1057 г., а его сын Эдгар Этелинг был слишком юн, чтобы в 1066 г. быть серьезным кандидатом на трон. Против Вильгельма в отношении наследования можно было выдвинуть два возражения: то, что он был незаконным претендентом, и то, что он был родственником Эдуарда по женской линии, а не потомком предшественников Эдуарда. Яснее ясного, что, если наследственность была в этом случае главным критерием, Вильгельм никогда не стал бы королем Англии. Странно уже то, что он вообще стал герцогом Нормандским: когда его отец умер, он был семилетним мальчиком, а в герцогстве бушевали беспорядки; а ведь в Средние века незаконнорожденность обычно считалась препятствием к вступлению в права наследования. Он был исключением, которое доказывало все правила; другого такого случая не было. Ген-

рих I признал по крайней мере двадцать своих незаконнорожденных детей, включая нескольких сыновей; но никто из них не унаследовал его трон.

Вопрос о том, могла ли королевская власть передаваться по наследству по женской линии, более сложен. Краткий ответ, видимо, такой: такое редко случалось во времена англосаксов, но препятствий к этому не было. К женщинам в целом было более уважительное отношение до Нормандского завоевания, нежели после него, но мы должны четко различать правила престолонаследия и статус женщин. Во многих человеческих обществах наследование обычно происходило по женской линии, но это не обязательно и даже нечасто сопровождалось высоким положением самих женщин. А также из отношения к женщинам в период до завоевания мы не можем сделать вывод о правилах наследования. Мы лишь можем с уверенностью сказать, что по англосаксонским законам собственность могла наследоваться по женской линии, но обычно этого не происходило. У всех германских народов наследование происходило в основном по мужской линии, но ни у одного из них в древние времена это не было неукоснительным правилом. Одно время антропологи учили нас, что наследование должно происходить либо по отцовской, либо по материнской линии и что, если мы обнаружили признаки наследования по материнской линии в патриархальном обществе, это должно означать, что в нем когда-то царил матриархат. Эта точка зрения время от времени просачивалась к историкам, и иногда даже сейчас можно услышать ее отголоски. Но антропологи уже давно от нее отказались: обычно в системе наследования присутствуют оба элемента.

Возможно, что наследование по женской линии было не таким уж и редким, как предполагают наши документальные источники. Во многих обществах мужчины, особенно мужчины с высоким положением, с гордостью перечисляют своих предков; генеалогия была излюбленной литературной формой (если ее можно так назвать) во многих уголках мира в разные времена. Королевские родословные древних народов редко являются историческими документами, хотя очень часто они надежно хранят – и могут хранить веками – некоторые элементы реальной традиции (предания). Их цель состоит в том, чтобы соединить правящего короля с предком, с которого началось королевство, а в некоторых случаях с богом, который дал королям их власть. Свойство родословных – давать аккуратный порядок преемственности от отца к сыну, скрывать более дальнее родство, где это необходимо, и перепрыгивать через поколения. Так как наши первые записи о королевских семействах саксов являются в основном родословными, у нас может появиться склонность преувеличивать элемент наследования королевской власти по мужской линии. Но влияние родословных идет в двух направлениях: с давних времен любовь к составлению родословных побуждала людей придерживаться мужской линии, настаивать на том, что король должен быть прямым потомком предка, который дал свое имя династии. В самых первых записях Уэссекса часто подчеркивается, что тот или иной король принадлежит к династии Кердика; а почти все англосаксонские родословные якобы восходят к Водану, главному богу языческого пантеона германцев.

Возможно, как-то оправдать притязания Вильгельма на трон может то, что его двоюродная бабушка была матерью Эдуарда. Но это не сделало Вильгельма потомком Кердика, а еще меньше – Водана. Жена Вильгельма была из рода Кердика, а его младший сын Генрих I, чьи притязания на положение наследника Вильгельма были сомнительны, женился на племяннице Эдгара Этелинга по имени Эдит или Матильда и еще раз привнес кровь Кердика (а возможно, Водана!) в королевский дом (династию) Англии.

Конечно, на самом деле Вильгельм стал королем, потому что ему удалось завоевать эту страну. Именно его сила, а не право убедила витан в том, что они должны признать его королем. Завоевание и узурпация власти были сравнительно обычным явлением в раннем Средневековье, и случай, когда спорное восшествие на престол могло привести к гражданской войне и кровопролитию, объясняет, почему архиепископы и епископы были готовы принять и короновать фактических королей иногда в очень короткие сроки: они пытались заглушить спор,

поставив всех перед свершившимся фактом. Уже в начале XI в. Свен Датский и его сын Кнуд были признаны и избраны королями просто потому, что они завоевали страну. Выборы прикрывали узурпатора плащом законности, а Кнуд укрепил свое положение, женившись на вдове своего предшественника, что породнило его, хоть и не кровно, с династией Кердика. Вильгельм Завоеватель пошел дальше: он утверждал и верил в то, что королевская власть принадлежит ему по праву – и не только по праву завоевателя. Эрл Гарольд был шурином Эдуарда Исповедника, так как королева, супруга Эдуарда, была его сестрой. Но это едва ли делало его ближайшим родственником короля. А так как Гарольда выбрали и он взошел на трон, обойдя и Харальда Хардероде, и (на несколько месяцев) Вильгельма Нормандского, можно предположить, что Фриман был прав в том, что монархия была по своей сути выборной. Однако это был бы очень поверхностный взгляд на этот вопрос. Эдуард Исповедник умер 5 (или, возможно, 4-го) января. Гарольд был «избран» и коронован 6 января. Совершенно невозможно, чтобы выборы были какими-то иными, а не формальными: все это должно было быть запланировано еще до смерти старого короля. Бытует мнение, что монархия бывает либо наследной, либо выборной. Эта дилемма и факты 1066 г. плохо стыкуются. Ни у одного из трех кандидатов на трон не было наследных прав, которые могли бы выдержать какую-то серьезную экспертизу. Очевидный «наследник» Эдгар Этелинг не принимался в расчет после битвы при Гастингсе. Безусловно, в английской монархии существовали наследный и выборный элементы, но эти факторы играли роль в более сложной ситуации, а чтобы понять эту ситуацию и значение «избрания», мы должны учесть третий фактор, самый решающий из всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.